

Право сильного

Нилам Сонгцен Садхир

С того момента, как Сонгцэн вернулся из Монголии со своей невестой, Нилам особо не лез в дела внука. Он был в курсе, что молодые не стали дожидаться свадьбы, чтобы начать жить вместе, и ему до этого не было дела. Будь Яшви принцессой сильного клана, эта ситуация могла бы огорчить её родню, но лисы вряд ли расстроятся, даже если узнают, что их шаманка слишком быстро подружилась со своим женихом.

Больше расстраивало, что присутствие Яшви во дворце провоцировало гарем, который и Шэн терпел не без зубовного скрежета, а тут был вынужден смириться, что младший принц тоже обойдется одной женой. Ниламу эти разборки казались забавными, пока сегодня от него не потребовали, чтобы он вмешался. К нему прибежала зареванная Кала с обрезанными волосами и сказала, что Яшви её изуродовала и грозилась зарезать. Пришлось посылать за Яшви, Сонгцэном и Раджем. Последнего вождь Кобр позвал для того, чтобы разнообразить досуг мудрого старца хоть какими-то новостями.

Нилам сидел на троне. Рядом в кресле разместился Радж. Кала стояла чуть в стороне, продолжала время от времени реветь, но на голове уже соорудила какую-то причёску с укладкой.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн только вернулся из клана Белых Тигров, куда ездил по поручению деда, когда ему сказали, что его срочно зовут к его Величеству. Якобы Яшви кого-то покалечила и даже чуть не зарезала, и весь дворец на ушах. Особенно на ушах был гарем, из чего Сонгцэн сделал вывод, что те дождались, дразня Яшви изо дня в день. Некоторые из наложниц шептались, что свадьбу теперь отменят, потому что невесту принца будут судить, но, насколько успел выяснить Сонгцэн, никому даже не отрезали голову. Всего лишь Кала лишилась гривы и тут же побежала жаловаться вождю.

Яшви не было в её покоях, и Сонгцэн дождался её у тронного зала, чтобы зайти вместе. Дед не стал собирать толпу, в зале помимо него были только мастер Радж и пострадавшая Кала, на которую Сонгцэн взглянул лишь мельком. Он опустился на колени и поклонился деду, как того требовал этикет.

- Ваше Величество, - произнес Сонгцэн, затем встал и взглянул на Яшви. Он был всецело на её стороне и считал, что Кала нарывалась долго, а огребла мало, хоть и понятия не имел, что стало сегодня последней каплей.

Яшви Садхир

Долго ждать последствий своего поступка не пришлось, Яшви даже не успела переодеться из костюма для верховой езды, как ее позвали к Его Величеству. Она лишь ненадолго задумалась, стоит ли ей срочно переодеваться, чтобы появиться в тронном зале в более подходящем для этого случая сари, но в итоге решила, что

нет, не будет переодеваться, исключительно чтобы не заставлять Его Величество ждать, а не потому, что в ней разыгрались гордость и упрямство. Только не стала брать кукри с собой, посчитав это излишним, во дворце не полагалось носить оружие без крайней на то необходимости.

У дверей тронного зала она встретила Сонгцэна, но ничего ему не сказала, лишь расправила плечи и вместе с принцем вошла внутрь. Она думала что народу будет намного больше, но увидела только Его Величество, наставника Раджа и вездесущую Калу, которая, не надо много думать, тут же побежала жаловаться своему патрону и искать возмездия. Новая прическа ей, к слову, даже шла, с ней она не так была похожа на гадину.

Яшви молча поклонилась Его Величеству, но после выпрямилась и посмотрела прямо на вождя, даже не гадая и не стараясь понять, о чем он думает. Виноватой она себя совсем не чувствовала, и извиняться перед Калой не собиралась.

Нилам Сонгцен Садхир

Яшви и Сонгцэн не заставили себя ждать, и невеста принца не выглядела виноватой. Она держалась уверенно и даже дерзко, в то время как Кала выбрала роль несчастной жертвы. У Яшви было все больше общего с Шэн, а не с наложницами из гарема. При этом она была крупнее тигрицы, а отсутствие военной дисциплины в её воспитании могло привести к тому, что ей было сложнее тормозить на поворотах.

- Яшви, Кала сказала, что ты отрезала ей волосы и грозила её зарезать. Почему ты это сделала? - спокойно и с интересом спросил вождь Кобр.

Невеста принца была выше статусом, чем наложница. Нилам, который в силу возраста практически не интересовался гаремом, не видел смысла защищать и выгораживать девиц, которые только и думали, с кем бы им сдружиться, чтобы после его смерти не оказаться на улице или в монастыре. Вождь Кобр по умолчанию был на стороне Яшви, но не стал этого демонстрировать слишком явно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Дед не злился на Яшви, это было слышно по его голосу. Можно было выдохнуть и следить за тем, что будет дальше. Сонгцэн хотел бы, чтобы этот разговор привел к тому, что наложницы начнут думать и перестанут задираться к Яшви. Ей было сложно во дворце. Пусть не так сложно, как в родной деревне, где её дразнили бокши и могли даже бросать камни, но все же хотелось бы, чтобы к ней относились как к принцессе клана и перестали шептать гадости у неё за спиной. Если после сегодняшней выходки Яшви начнут бояться, это будет очень хорошо.

В зале не было наложниц кроме Калы, но Сонгцэн был уверен, что та расскажет своим подругам все в подробностях, а те и так будут греть уши под дверью, стараясь услышать хоть что-то из этого разговора. Было бы здорово, если бы его Величество дал понять, что не возражает, если Яшви будет отстаивать свои интересы вместо того, чтобы просто игнорировать, когда к ней задираются. И для этого нужно было, чтобы Калу саму сегодня признали виноватой.

Яшви Садхир

Голос вождя показался ей спокойным, но Яшви не торопилась этому верить и расслабляться, считая, что гроза миновала. Сильные мира сего потому и сильнее остальных, что умеют контролировать свои эмоции, не позволяя никому разгадать себя.

- Кала, прикрываясь моим именем, велела конюху обрезать гриву Ворону. Монгольские кочевники никогда не обрезают гриву коням. Ворон принадлежит мне, и я всего лишь забрала у Калы то, что она украла у меня, - прямо и самым честным образом ответила Яшви.

Она не думала как-то приукрашивать ситуацию, что монгольские кочевники боятся, что конь тогда вместе с гривой потеряет силу, и тогда этого конь уже не будет боевым конем и сгодится только на то, чтобы тянуть груженный обоз. Важнее было то, что Яшви не отдавала такого приказа, а Кала сочла возможным использовать ее имя, чтобы сделать гадость и замести следы, да еще и к тому же сделала все, чтобы ее не узнали - не назвала своего имени и прикрылась вуалью, из-за черты ее лица и фигуры не стали бросаться в глаза. Яшви была уверена, что конюх узнал бы Калу по голосу, если бы его думали об этом инциденте спросить.

О том, что на ее балконе постоянно появляются то полудохлые ужи, то гадюки, а в спину с завидной регулярностью летят шепотки и ехидные замечания от Калы, Яшви промолчала.

Нилам Сонгцен Садхир

Услышав объяснение Яшви, Нилам вопросительно посмотрел на Калу. Та смутилась, но взглянула на Раджа и кивнула. Видимо поняла, что сейчас лучше не врать в присутствии прорицателя. Для кочевника конь был главной ценностью. Тем более Ворон - прекрасный боевой конь, которым Яшви не могла не дорожить. Кала могла рассчитывать лишь на то, что виновницу не поймают, потому что этот проступок выходил за рамки мелких пакостей, на которые могли бы закрыть глаза.

- Не знаю, как Ворону, но Кале новая стрижка даже идет, - сказал Нилам.

Радж едва заметно усмехнулся, и вождь мелком на него взглянул. Нужно было прекращать эти разборки, пока они не привели к более серьезным последствиям.

- Кала, ты бы еще учла, что у монгольских кочевников женщины воюют наравне с мужчинами. Яшви за коня могла и голову тебе отрезать. Мы бы её отругали, конечно, но какая бы тебе уже была разница? - вождь прищурился. - Это первое и последнее предупреждение. Если кто-то из вас, дур, еще будет вредить Яшви, её вещам или её коню - поедет в монастырь в Лумбини без разговоров.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн стиснул зубы, когда услышал, что сделала Кала. Было сложно придумать большую глупость, чтобы нарваться на Яшви, которая за Ворона небось могла и покалечить. И эту выходку Калы нельзя было рассматривать иначе как явную агрессию, потому что это уже не шепотки за спиной. И его Величество озвучил ту

позицию, которую Сонгцэн от него ожидал. Потому что иначе он бы пошел на конфликт с дедом даже в присутствии Яшви и Калы.

- Мне кажется, Кала и некоторые другие наложницы из гарема вашего Величества слишком заигрались, - сказал Сонгцэн, обращаясь к деду. - И считают допустимым задираться к Яшви. Выходка с гривой Ворона заставляет меня сомневаться в том, что моя невеста в безопасности, когда находится во дворце. Что будет дальше? Кто-то отрежет волосы Яшви или будет покушаться на её жизнь? Мы, конечно, отругаем виновных, но не будет ли поздно?

Он понимал, что вел себя чуть более дерзко, чем требовал этикет. Но Сонгцэн разозлился, поняв, насколько наложницы обнаглели и почувствовали свою безнаказанность.

Яшви Садхир

Яшви ставила на то, что Кала после вопроса вождя начнет причитать, что ее неправильно поняли, что она ничего такого не приказывала и вообще не имеет к этому никакого отношения, потому что у Яшви не было никаких доказательств, кроме подозрений, того, что это было действительно Кала. Но та, к удивлению Яшви, только кивнула, чем вызвала у девушки еще одну назойливую мысль все-таки отрезать Кале что-нибудь еще, например, руки. Кажется, Кала хорошо вышивала, а вышивальщицу, как известно, кормят руки. Как и вора.

Она насупилась, потому что в присутствии вождя и принца ничего не могла сделать, но решила, что Ворону новая стрижка точно не идет. Он не лошадка для игры в конное поло, а боевой конь, и выглядеть должен соответственно. Сейчас это уже были не мелкие насмешки и детские пакости, которые можно было проглотить, стерпеть или попросту не обращать на них внимания, это перерастало в состояние войны, и здесь Яшви сдаваться не собиралась. Несмотря на последнее предупреждение Его Величества, Яшви и не надеялась, что гарем и Кала во главе с ним успокоятся, скорее всего, эти издевки станут только еще более изощренными.

- Я могу себя защитить, ваше Величество, - Яшви вся кипела изнутри. Она не могла рассчитывать на кого-то, кроме самой себя. Все копившееся в ней месяцами, вся обида на родителей, напряжение долгих недель в клане, злость на Калу и сожаление о некогда роскошной гриве Ворона, выплескивалось сейчас, перелившись через край ее терпения. - Я не воин, но мне достаточно сил справиться с любой из этих разряженных девиц. Я не полезу к ним первой, если и они не будут меня трогать, но отвечу, когда это потребуется.

Нилам Сонгцен Садхир

В разговор вмешался Сонгцэн, который, похоже, давно замечал нападки гарема на Яшви. Ниламу не нравился тон, с которым внук сейчас выступал при женщинах, но не настолько, чтобы упускать суть его слов. Кала могла счесть, что ей ничего не сделали за то, что она испортила гриву коня Яшви, а это было неправильно.

- Мы договоримся так, - сказал Нилам. - Если мне станет известно хоть об одной пакости или провокации, которую в этом дворце устроят Яшви, Кала лишится не только волос, но и головы. Я уверен, что она справится с тем, чтобы лично

проследить, чтобы Яшви больше никто не обижал, правда, Кала?

Наложница испуганно на него посмотрела, мельком взглянула в сторону Яшви, затем снова кивнула. Она побледнела - поняла, что угроза была правдива.

- И я, разумеется, признаю за Яшви право себя защищать теми способами, которые она сочтет необходимыми и достаточными, - добавил вождь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви совсем не была дипломатом, она говорила прямо то, что было у неё на уме, и не скрывала, насколько зла в этой ситуации. Это было довольно странно, ведь она все же говорила перед вождем, но Сонгцэн и сам не сдержался, потому понимал причину такого поведения. Все равно они с Яшви добились того, чего он хотел - вождь шуганул своих девиц, чтобы они не смели нарываться.

- Спасибо, ваше Величество, - ответил Сонгцэн.

Как известно, хочешь навести порядок - назначь ответственным за него главного нарушителя дисциплины. Теперь энергия Калы будет направлена в мирное русло, и та, кто подстрекал гарем, сама будет следить за тем, чтобы они были с Яшви максимально милы и вежливы. В этой ситуации все равно не стоило терять бдительность, но все же Сонгцэн был уверен, что жизнь Яшви во дворце с этого дня сильно поменяется в лучшую сторону.

Яшви Садхир

Кала в итоге понесла свое наказание, и теперь от нее зависело, насколько гарем и дальше будет к ней цепляться. Сегодня Яшви убедилась, что от этой змеи можно ожидать чего угодно, и особой надежды на то, что нападки прекратятся, девушка уже не питала. Ей было трудно доверять кому либо во дворце и, несмотря на ее бравые заверения, что она сможет себя защитить, она не чувствовала себя здесь в безопасности. Более того, она боялась, что злопамятная Кала так просто этого унижения не оставит и будет вынашивать лютые планы мести. На какое-то время все успокоится, а что будет дальше - неизвестно, и эта неизвестность пугала больше всего.

- Спасибо, ваше Величество, - следом за принцем повторила Яшви, даже не взглянув на соперницу. Она не хотела злоупотреблять разрешением вождя защищать себя так, как посчитает нужным, и действительно не собиралась сама лезть к наложницам и прочим служанкам, которым она пришлась не по душе. Но она и не горела желанием срочно заводить себе среди них подруг и приближать кого-то из девушек, кого-то, кому можно доверить какие-то свои мысли и секреты. Никому нельзя доверять такие вещи.

Она вопросительно покосилась сначала на принца, потом на вождя, ожидая от него еще каких-то решений, но ей не терпелось уже уйти отсюда и снова оказаться в своих покоях. А вождь их пока еще не отпустил.

Нилам Сонгцен Садхир

Ни у кого не возникло вопросов, и разговор на этом можно было закончить. Нилам все ещё помнил, как гарем Кэйлаша чуть не убил Шэн и не хотел, чтобы эта история повторилась с Яшви. К тому же невеста принца хоть и была смелой и дерзкой, до подготовки тигрицы ей было далеко. Ее нужно было защищать, чтобы она здесь была в безопасности. И для Нилама как для главы клана было важно показать, что он способен контролировать ситуацию как минимум в том, что касалось его собственных наложниц.

- Можете идти, - сказал вождь Королевских Кобр. - И да, Сонгцэн, гарем и дворцовая стража обязаны тебя слушаться даже когда ты в человеческом облике.

Он был премного наслышан о той выходке принца, который подружился со своим звериным обликом. Нилам воспринял эту выходку как ребячество, хотя наложницы перепугались не на шутку.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн снова поклонился деду и замер, слушая претензию по поводу звериного облика. Он считал, что был неправ в меньшей степени, чем те, кто вломился в покои Яшви, но сейчас не стоило устраивать дискуссию.

- Я понял, ваше Величество, - Сонгцэн кивнул.

Он кивнул мастеру Раджу, проигнорировал Калу и вышел из тронного зала. Сонгцэн злился на наложницу, которая посмела совершить столь явную провокацию. Он считал, что с этого дня можно было считать начало войны с гаремом его Величества, которая должна была закончиться тем, что наложниц во дворце не останется. Он думал обсудить это ещё и с отцом, чтобы заручиться его поддержкой.

Во дворце нужны были служанки, но не было никакой практической пользы в том, чтобы держать наложниц, которые давно не интересовали его Величество, и в услугах которых не нуждались ни Сонгцэн, ни его отец. На это можно было закрыть глаза до тех пор, пока девицы жили за счёт клана и не нарывались, но не когда они угрожали Яшви.
